

Она заблокировала все известия, объявив дворцовым слугам, что в гареме объявлен период коллективного чтения сутр в память об императрице Жун Дэ, а сама тем временем подвергала принца и его сестру всяческим притеснениям. Восемилетний наследный принц, будучи еще совсем ребенком, изо всех сил старался защитить сестренку, которая еще лежала в колыбели. Однажды добрая нянюшка, не выдержав жалости, тайно помогла им, но уже на следующее утро ее нашли повешенной в заброшенном дворце. С тех пор слуги стали сторониться принца и принцессы, как прокаженных, опасаясь навлечь на себя беду.

Императрица Жун Дэ, его родная мать, была истинным образцом добродетели. Она относилась к прислуге с добротой, была справедлива в поощрениях и наказаниях, а однажды, посочувствовав тоске слуг по родным, даже распорядилась проводить встречи с семьями не раз в год, а раз в полгода.

Однажды маленькая служанка из дворца наложницы Сюэ, чья мать тяжело заболела и не имела денег на лечение, забилась в угол и горько плакала, где ее и застала покойная императрица. Тем же вечером на пиру император, обнимая супругу, спросил, какую награду она желает получить. Императрица Жун Дэ, прильнув к его груди, застенчиво прошептала, что хочет съесть лакомство — сахарные ягодки на палочке из-за пределов дворца, и особо попросила, чтобы за ними сходила именно та маленькая служанка из дворца наложницы Сюэ. Наложница Сюэ в тот момент так разозлилась, что ногти впились ей в ладони. Со стороны казалось, что императрица просто пользуется своим положением, чтобы похвастаться милостью императора. Но только та служанка поняла: императрица дала ей законный повод покинуть дворец и навестить мать. А деньги, которые она получила за покупку лакомства, оказались тяжелым слитком золота — императрица под видом награды отдала ей все, что могла. Этот золотой слиток спас жизнь ее матери. Эту доброту служанка запомнила на всю жизнь.

Когда наложница Сюэ начала травить наследного принца, служанка, стиснув зубы, терпела, дожидаясь дня встречи с семьями. Рискуя всем, она спрятала письмо с мольбой о помощи в узелок с вещами для матери и наказала передать его в храм Пуду, чтобы письмо вручили вдовствующей императрице, которая в то время молилась там за успех военного похода своего сына. Получив тайное послание, вдовствующая императрица пришла в ярость и, не теряя ни минуты, поскакала обратно во дворец. Хотя наложница Сюэ пыталась оправдаться и даже казнила нескольких козлов отпущения, вдовствующая императрица больше не позволила ей и близко подходить к детям. Она тут же забрала их к себе, окружила заботой и шаг за шагом привела наследника к трону. Сама же она из вдовствующей императрицы стала нынешней вдовствующей императрицей-матерью. Эту милость император помнил всю свою жизнь.

Императрица чувствовала, как холод от золотых кирпичей пола пронизывает колени, а онемение от боли поднимается все выше. Рука нянюшки, поддерживавшая ее, была единственной опорой, но в то же время — горьким напоминанием о ее нынешнем унижительном положении. Глядя на плотно закрытые двери дворца Нинцин, она ощущала, как внутри все леденеет. Пока вдовствующая императрица не придет в себя, она будет стоять здесь, на холодном полу.

О сыновней почтительности императора к вдовствующей императрице знала вся Поднебесная. А о том, как сильно та баловала этого глупого наследного принца Дунфан Юя, было известно и того больше. В народе давно ходила присказка: лучше прогневать императора, чем

связываться с принцем Дунфаном. Император был рассудителен, с ним еще можно было договориться, а если этот дурачок сходил с ума, последствия были непредсказуемы. Кто бы мог подумать, что под этим вечно грязным лицом, размалеванным яркими румянами, скрываются такие тонкие, благородные черты? И еще меньше можно было ожидать, что первым же делом после прояснения рассудка он разгромит ее дворец Фэнъи!

Внутри дворца Дунфан Юй стоял перед статуей Майтрейи, взяв три палочки благовоний. Соединив пальцы, он крепко сжал их, поднес ко лбу и с торжественным видом совершил три поклона. Затем его пальцы едва заметно шевельнулись, словно под воздействием невидимой силы, и благовония, вращаясь между указательным и средним пальцами, описали в воздухе полный круг. Кончики палочек вспыхнули сами собой, и вверх потянулась тонкая струйка сизого дыма. Он плавно и уверенно вставил их в курильницу — его движения были естественны и полны невыразимой грации.

Помолившись, он подошел к кровати вдовствующей императрицы. Лекари определили, что причиной стала острая вспышка гнева — пожилой женщине было не под силу вынести такое потрясение. Дунфан Юй не стал садиться, а просто молча встал у изголовья, глядя на нитку сандаловых четок на запястье старушки. Он не прикоснулся к ним, лишь смотрел, и в его взгляде читалась сложная гамма чувств.

Прошло около четверти часа, прежде чем веки старушки дрогнули, и она медленно открыла глаза. Ее затуманенный взгляд первым делом нашел Дунфана Юя. Увидев, что внук невредим, она вмиг наполнилась таким искренним облегчением, что это отразилось в ее уставших глазах.

— Юй... эр...

Голос вдовствующей императрицы был слабым и хриплым, морщинистая правая рука приподнялась, словно желая коснуться его лица. Люй Ли только сейчас заметила, что на лице принца все еще остались засохшие пятна грязи, и поспешила достать платок.

— Простите, ваше высочество, я сейчас же все вытру.

В недавней суматохе все внимание было приковано к вдовствующей императрице, и никто не заметил, в каком жалком виде был принц. Люй Ли осторожно стерла влажным платком грязь, открыв чистое лицо с тонкими, изящными чертами. Вдовствующая императрица не мигая смотрела на него, пока знакомый, но в то же время такой непривычный облик не проступил полностью. Ее пальцы слегка дрожали — она словно боялась, что это лишь видение. Взгляд был прикован к лицу Дунфана Юя, и в нем светилось счастье человека, обретшего утраченное. Она боялась, что стоит ей моргнуть, как внук снова станет тем неразумным глупцом, которого ей приходилось постоянно прятать под своим крылом. В этой пугающей драме она больше всего на свете боялась, что ее внук хоть сколько-нибудь пострадает.

Дунфан Юй смотрел на постаревшее лицо вдовствующей императрицы, видя в ее глазах непритворную заботу и тревогу. Он попал в этот мир из другого времени и не был связан с этой женщиной кровными узами, но сейчас его сердце дрогнуло от такой чистой и тяжелой любви.

Он медленно присел на корточки и сам приложил щеку к ее дрожащей ладони. Та была теплой, сухой и исчерченной морщинами времени.

— Бабушка.

Его голос был на удивление мягким, в нем даже проскользнула едва уловимая нотка смущенного утешения.

— Со мной все в порядке. Как вы себя чувствуете?

От этого обращения и ясного вопроса глаза вдовствующей императрицы мгновенно покраснели. Она крепко ухватила за его руку, сжимая ее изо всех сил, пусть и слабо.

— Юй-эр... ты правда поправился? — ее голос дрожал от недоверия и сдерживаемых рыданий.  
— Хорошо... все хорошо. Лишь бы с моим Юй-эром все было в порядке... — повторяла она в волнении.

Когда старушка немного пришла в себя, ее взгляд скользнул по разгромленному дворцу, по коленопреклоненным лекарям и слугам, а затем снова вернулся к Дунфан Юю. В нем промелькнул страх за него:

— Ты, дитя, только пришел в себя, а уже устроил такой переполох. Если император прогневается...

Несмотря на слова, в ее голосе не было и тени настоящего упрека — только глубокая тревога и желание защитить. Даже сейчас, едва очнувшись после того, как он довел ее до обморока, она первым делом беспокоилась, как бы его не наказали.

Дунфан Юй смотрел на нее, и на душе у него было беспокойно. Эта женщина, возможно, была первым человеком в этом чужом мире, кто любил его — именно его, Дунфан Юя — без всяких условий. Он помолчал и тихо произнес:

— Я был опрометчив и заставил вас поволноваться, бабушка.

Вдовствующая императрица покачала головой, лишь крепче сжимая его руку, будто обретенное сокровище, которое ни за что не хотела выпускать.

После того как вдовствующая императрица пришла в себя, решение о наказании виновных было принято быстро. Императрицу приговорили к месячному домашнему аресту во дворце Фэнъи для размышлений о своем поведении. А седьмого принца, Хуанпу И, по личному указу императора отправили в храм Пуду, где он должен был целый год обучаться под присмотром почтенного настоятеля. Плач и мольбы Хуанпу И разносились по всему дворцу, но император лишь холодно отвернулся, даже не взглянув на сына. Не то чтобы император был бессердечен

— он прекрасно знал, что императрица превратила сына в невоспитанного наглеца. Даже если бы не сегодняшний случай, он давно планировал отправить его на границу для закалки характера. То, что его отправили в тихую обитель, было лишь проявлением милости ради его юного возраста и болезни вдовствующей императрицы. Для самого же принца это, пожалуй, стало благом, пришедшим из беды.

<http://bllate.org/book/18860/1840167>